

Лукина Е.Б.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ СЭРИДЗАВА КОДЗИРО В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ДУХОВНОГО КРИЗИСА ЯПОНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Общеизвестно, что многие страны в современном мире переживают духовный кризис. Не является исключением в этом отношении и Япония. Более того, из-за особенностей ускоренного социально-экономического развития страна переживает духовный кризис во всей его полноте и, если можно так сказать, в концентрированном виде. Ориентация на цивилизованный западный мир, стремление к достижению экономического процветания в 19-20 вв. меняли не только образ жизни, меняли традиционно восточное миропонимание на западное с его стереотипами и приоритетами.

Существует мнение, что Япония обладает удивительной способностью к восприятию инородного: умение ассимилировать чужое, придать ему неповторимые черты и сохранить в культуре в уникальном виде, заложено в генетическом коде нации и совершенствовалось там тысячелетиями. Однако, несмотря на это, масштабная культурная экспансия, имевшая место в Японии в 20 в., была чрезвычайно болезненной. Чтобы понять, насколько тяжёл и губителен был этот процесс для личности, достаточно взглянуть на японскую литературу прошлого столетия.

Интеллигенция остро воспринимала происходящий надлом эволюционного развития хода истории. Но не она одна. Глубокий разлад с миром, утрату чувства национальной принадлежности, ощущение оторванности от корней испытывали все. Трагизм ситуации заключался в том, что ощущение отпадения от истоков породило осознание утраты человеком внутренней цельности, самоидентичности, идентичности самому себе.

Один из героев романа Кэндзабуро Оэ «Опоздавшая молодежь» говорит: «И мне показалось, что я, склонившийся сейчас над родником, и я, ещё ребёнок, в давнюю пору присевший здесь, согнув изодранные колени, - не один и тот же человек, и между этими двумя «я» нет никакой связи, никакой преемственности, и, значит присевший тут «я» - совсем другой человек, не имеющий ничего общего со мной, Настоящим. Нынешний «я» теряю identity настоящего «я». И во мне, и вне меня не за что ухватиться, чтобы восстановить самого себя»¹. Романы Оэ «Опоздавшая молодежь», «Футбол 1860» - свидетельствуют о неблагоприятном состоянии новой Японии, о трагедии современного человека – утрате им вкуса к жизни, воли к действию. В книгах Оэ повествует о том, что испытывает он сам. В «Письме японца, учившегося у русской литературы» автор пишет: по приезду в столицу «главной темой моих произведений стала послевоенная жизнь в огромном японском городе, владеющее человеком состояние отчуждённости, не позволяющее ему идентифицировать себя. Я ощущаю себя именно таким человеком»².

О том, что человек стал жертвой неистинных ценностей, бездушного механизма, нацеленного на производство благ, который, в конце концов, поработает и самого человека, пишут многие японские авторы, принадлежащие к разным литературным группам и течениям. Поиски пути гармонизации человека с самим собой, с окружающим миром, теряющим духовность, отразились не только на страницах их книг, но оставили свой след, в первую очередь, в реальных судьбах писателей. Выход, чаще всего выбираемый ими – самоубийство. Действительно, едва ли возможно назвать ещё страну, где литературный мир был бы так тотально склонен к самоуничтожению, как в Японии. В большинстве случаев это - не прихоть, не дань богомному образу жизни, это тревожный знак того, что общество поражено недугом, убивающим у человека желание жить.

Арисима Такэо, Акутагава Рюноскэ, Дадзай Осаму, Кавабата Ясунари – всемирно-известные японские писатели, нашедшие в самоубийстве выход из состояния трагического внутреннего разлада, этот список можно дополнить ещё не одним десятком имён. Однако не все отчаивались и выбирали смерть. Были и другие писатели, такие как Сига Наоя, Мусянокодзи Санэацу, Миядзава Кэндзи, которые оптимистически смотрели на мир.

К этой малочисленной группе в японской литературе 20 в. можно отнести и писателя, которого мы впервые открываем читателю - Сэридзава Кодзи (1896–1993). В отличие от многих своих современников, он прожил долгую, счастливую жизнь. По словам поэта, высоко ценившего Сэридзава Кодзи, Оока Макото, все книги писателя объединяет - «акаруса» - «свет». Это качество он называет специфической чертой, выделяющей сочинения Сэридзава из потока «мрачных», тонущих в безысходности произведений японской литературы 20 в.³

У читателя может создаться впечатление, что мучительные искания, занимавшие умы современников, не нашли отражение в творчестве Сэридзава. Однако это не так, на наш взгляд, поиски пути к обретению гармонии с самим собой и с миром, приняв своеобразную форму фантастического религиозно-философского учения, легли в основу «Божественной серии» («Ками но сиридзу», 1986-1993), написанной автором в последние годы жизни. Это девятитомное собрание стало камнем преткновения в литературно-критической оценке наследия Сэридзава Кодзи в Японии.

Касааясь оценки японскими исследователями творчества писателя, нельзя не упомянуть связанный с ней парадокс. Не просто найти в японской литературе более именитого писателя, чем Сэридзава Кодзи. Он - номинант Нобелевской премии, обладатель множества литературных наград, лауреат премии ЮНЕСКО, член Французской и Бельгийской Академий, президент японского филиала Пен-клуба, один из первых японских писателей, изданных в Европе (в течение многих лет он был для Запада «визитной кар-

точкой» своей страны). На родине Сэридзава, в Нумацу, где он родился, ещё при жизни писателя в 1970 г. был открыт дом-музей, носящий его имя. Строительство Дома литературы Сэридзава Кодзио («Сэридзава Кодзио бунгаку кан») было задумано и осуществлено почитателями творчества автора на собственные средства. Подобное событие - строительство «памятника при жизни», по словам Сэридзава, не имело на тот момент аналогов в мире. Нужно сказать, что Сэридзава, доктринально оформивший своё религиозно-философское учение в «Божественной серии» лишь через 15 лет после начала строительства музея, уже тогда, в начале 70-х был не просто писателем, но в первую очередь духовным наставником, как называли его многие почитатели, «учителем жизни». Дом в пригороде Токио, где жил автор, давно стал известным местом паломничества, куда стремились не только начинающие писатели, обращавшиеся к Сэридзава за оценкой своих работ, но и простые люди со всей Японии, приходившие за жизненным советом и поддержкой. Токийский дом уже не вмещал в себя всех желающих побеседовать с «учителем», поэтому был построен Дом литературы в Нумацу. Спустя годы этот музей в божественном откровении Сэридзава Кодзио будет назван «храмом». Вероятно, Дом литературы с самого начала задумывался не столько как музей, сколько как духовный центр, место для встреч единомышленников – последователей религиозно-философского учения писателя. После завершения строительства, в течение более чем десяти лет Сэридзава приезжал туда несколько раз в год на открытые встречи с читателями. Дом-музей продолжает функционировать и сейчас, последователи верования писателя, его почитатели собираются там, чтобы вспомнить «учителя», послушать музыку, обменяться новостями два раза в год: в день рождения и день смерти Сэридзава.

Несмотря на всё это, Сэридзава Кодзио как при жизни, так и после смерти остаётся одним из самых малоизученных авторов. На самом деле, отсутствие в Японии серьёзной критической литературы и исследований творчества столь именитого и прославленного на Западе писателя чрезвычайно удивительно. Существующие же работы, как правило, касаются лишь небольшого отрезка жизни или отдельной книги писателя.

Писатель–моралист, гуманист, ученик Бальзака, космополит - так характеризуют японские литературоведы Окуси Нобумаса, Хадори Тэцуя Сэридзава Кодзио, обращаясь к произведениям, созданным им на первом и втором этапе творческого пути⁴. Первый этап (1930-1960) – новеллистический. Произведения, написанные автором в то время, по его словам, созданы под влиянием книг французских моралистов начала 20 в. Тогда появляются: «Буржуа» («Бурдзюа»,1930); «Вслед за утренним солнцем» («Асахи о оу»,1931); «Записки о любви и смерти» («Ай то си но гаки»,1939); «Умереть в Париже» («Пари ни сису»,1942); «Разговор с мёртвым» («Сися то но тайва»,1948); «Конец самурая» («Самурай но мацуэй»,1955) и многие другие новеллы, принёсшие автору литературную известность. Второй этап (1961-1980) условно может быть назван «бальзаковским периодом». В этот период под влиянием Бальзака Сэридзава создаёт четырнадцать томов романа-эпопеи «Судьба человека» («Нингэн уммэй»). Третий этап (1985-1993) – «божественный» или религиозно-философский, когда была написана «Божественная серия», чаще всего не берётся исследователями во внимание, а иногда и вообще не упоминается. Выше названные критики, при положительных оценках первых двух этапов творчества писателя, окрестив «серию» - «порождением дряхлого сознания», «фантазией старого рассудка», либо считают не возможным её исследование, либо оставляют изучение «серии» будущим поколениям.

На наш взгляд, одной из главных причин того, что автор недооценён у себя на родине, является специфическая проблематика его произведений - не сложно заметить один мотив, в большей или меньшей степени проявляющийся на протяжении всего творчества писателя. Почти все книги Сэридзава Кодзио, за редким исключением, связаны с проблемами веры и религии. Раздумья на эту тему лежат в основе многих его книг, но итогом их можно считать последнюю серию из 9 томов (включая оставшийся незаконченным), где писатель по-своему разрешает волнующие его вопросы, представляя на суд читателю оригинальную концепцию Бога и мира. Изучение работ писателя, чьё творчество непосредственно касается проблем религии, требует определённого такта и знаний, возможно, поэтому книги Сэридзава глубоко не исследовались. Что же касается «Божественной серии», то она вообще является своеобразным «белым пятном» в литературном наследии автора. На наш взгляд, «Божественная серия» чрезвычайно интересное сочинение, поскольку по-своему отражает духовный кризис японской интеллигенции, картина которого уже успела сложиться у читателя, знакомого с литературой Японии прошлого столетия. Так как тема религии всегда была для Сэридзава особой и волновала его с самых ранних произведений, сквозь призму именно этой проблематики, «Божественная серия» и позволяет взглянуть на духовный кризис Японии и в частности на одну из таких важных его составляющих как кризис традиционных религий в стране.

Причину такого исключительного внимания писателя к проблеме религии и веры следует искать в событиях жизни автора.

Сэридзава Мицудзио (Кодзио – литературный псевдоним) появился на свет 4 мая 1896 г. в маленьком рыбацком посёлке в семье глубоко верующих людей. Его отец, мать и бабушка были последователями религиозного направления - Тэнрикё («Учение о Законе Неба» - одна из первых так называемых «новых религий Японии», основана в 1838 г. крестьянкой по имени Накаяма Мики. В настоящий момент это одна из крупнейших и многочисленных религиозных организаций в Японии. Центр религиозной общины располагается в городе Тэнри).

Когда мальчику исполнилось 3 года, отец внезапно заболевает неизвестным недугом. По настоянию поселковых священнослужителей Тэнрикё, для того, чтобы поправиться, отец отдаёт все имущество и дом

местной религиозной общине, и вместе с женой, оставив Мицудзиро на воспитание бабушке и деду, переезжает из посёлка в город, где становится миссионером.

Жизнь всей родни рухнула в одночасье, семья обеднела, потеряла дом, деньги, авторитет. Мицудзиро очень тяжело переживал разлуку с родителями, ощущая себя отвергнутым ребёнком. Обида на отца и мать, в религиозном экстазе готовых посвятить себя людям и в то же время бросивших своего собственного сына, зародившись в детские годы, не покидала Сэридзава до конца жизни. Родители мальчика не принимали никакого участия в его воспитании. Мицудзиро рос и добивался всего сам. Благодаря блестящим способностям и сильнейшему желанию учиться, ему удалось поступить в колледж, а затем и на экономическое отделение Токийского университета. Возненавидев наставников Тэнрикё, лишивших его родителей и счастливого детства ещё в ранние годы, он окончательно разочаровался в вере во время учёбы в колледже. Немалое влияние на него в этом решении оказал и писатель Арисима Такэо. Призывы маститого писателя к демократическим свободам захватывают молодого человека, и он вступает в молодёжный кружок, который образовал Арисима.

Второй вехой в жизни Сэридзава стала поездка на стажировку во Францию. В Париже он поступает в аспирантуру Сорбонского университета, где пишет диссертацию по макроэкономике. Молодой человек увлекается теориями Дюркгейма, интуитивистской философией Бергсона. В салонах, на устраиваемых Парижской богемой вечерах, Мицудзиро знакомится со многими выдающимися людьми Франции. Среди них: учёный – анархист Жак Лукрю, писатели Поль Валери, Андрэ Жид, Жюль Роман, Кессель. Сэридзава завязывает дружеские отношения с членами социалистического движения Сен-Симона, анархистами – эмигрантами из России.

Знакомство с блестящей европейской культурой, парижской элитой, выдающимися деятелями искусства и науки оказало решающее влияние на формирование мировоззрения молодого экономиста, приехавшего из нищеты Японии. Технический прогресс, научные достижения, идеи свободы и демократии убеждают Сэридзава в справедливости его отрицательного отношения к религии. «Свобода, равенство, братство – вот Бог современного человека», – пишет он в письмах. В то время, по словам Сэридзава, религиозный человек вызывал у него презрение. Веру же в Бога он считал признаком скудости души и тела.

Во Франции Сэридзава заболевает туберкулёзом, болезнью, считавшейся тогда неизлечимой, и оказывается в альпийской клинике. Там перед лицом смерти в его душе происходит переворот, результатом которого становится твёрдое решение стать писателем. Болезнь навсегда изменила и образ жизни Сэридзава, теперь он должен был чётко следовать предписаниям врачей, планировать каждый свой день в соответствии с режимом, установленным в клинике.

Вернувшись после защиты диссертации в Японию, Сэридзава отправляет написанную им во Франции новеллу «Буржуа» («Бурдзюа», 1930) на литературный конкурс. После подведения итогов ему присуждается первое место, он становится известным в литературных кругах и уже не сомневается в правильности выбранного пути. Так начинается первый этап его писательской деятельности – новеллистический (1930–1960).

Чтобы понять, что волновало автора в то время и в каком ключе написаны произведения, созданные в тот период, обратимся к его первой работе. В новелле «Буржуа», можно выделить две сюжетные линии. Действие происходит в альпийском санатории в Швейцарии. Герои одной сюжетной линии – супружеская пара, приехавшая из Японии. Жена – молодая здоровая женщина около года живёт в туберкулёзной клинике, где, строго соблюдая режим, лечится её муж. Всевозможные ограничения, запрет на сексуальную жизнь, – источник переживаний для молодой женщины. Она испытывает симпатию к привлекательному французу, приехавшему в санаторий вместе с больной женой. Несколько раз в новелле появляется таинственная дама в чёрном – сводница, догадывающаяся о желаниях молодой женщины и предлагающая ей услуги. Знаменательно, что первое искушение происходит в католической церкви, куда молодая женщина, признающаяся в своём равнодушии к религии, ходит ради потехи, поучаствовать в мессах, которые, по её мнению, похожи на карнавал, поглазеть на разнообразные наряды богатых дам. Молодая женщина поддается искушению, но дойдя до гостиницы, бросается прочь. Однако в тот же вечер она изменяет мужу с понравившимся ей французом. В новелле писатель говорит, что источник соблазна, эдакая «дама в чёрном», существует не вне человека, а в первую очередь внутри него. Сэридзава обращает свой взгляд на внутренний мир героини, с его противоречиями, борьбой между физиологией и моралью, нравственными установками и совестью.

Параллельно развивается другая сюжетная линия, она является основной в новелле. Её герои – люди с активной политической и социальной жизненной позицией. Пьер – анархист, потомок эмигрировавшей из России старой аристократической фамилии. Его двоюродная сестра Саша (дочь анархиста Петра Кропоткина) не поддерживает радикальных идей брата и часто спорит с ним, аргументируя свою позицию сведениями из жизни находящихся в Советской России родителей. Она много рассказывает о гонениях интеллигенции на её Родине, о том, что повлияло на разочарование её отца в революции, об искажении революционных идей, говорит, что во многом не согласна с методами революционеров, однако она помогает брату в разработке задуманного им заговора. Пьер – представитель так называемой «идейной интеллигенции», вдохновлённый высокими идеями, желанием изменить мир, скрываясь в клинике, готовит террористический акт, направленный против Муссолини и реакционного режима в Италии.

Надо отметить, что в тридцатые годы, когда в самой Японии усиливались реакционные настроения, опубликование рассказа с явно противоположной точкой зрения на этот счёт, требовало определенного

мужества от автора.

Несмотря на предосторожности, заговор раскрывается. Пьер погибает. Он уходит из жизни глубоко разочарованным человеком, осознавшим себя представителем целого поколения, класса, участь которого предрешена. Позицию самого писателя легко понять, прочитав эпиграф, открывающий произведение: «Один миг из жизни класса, уходящего в небытие».

Заметим, что тема, затронутая автором, была довольно актуальной на тот момент. Новелла отразила разочарование японской интеллигенции, осознавшей своё бессилие, утопичность планов и идей по переустройству мира, которые превращались в прах на глазах, как это произошло с задуманной Мусянокодзи Санэацу «Новой деревней» (трудовая сельскохозяйственная община, созданная на основе абстрактно-гуманистических идей в 1918г. и распавшаяся через несколько лет). Многие из современников писателя почувствовали себя тогда за бортом уходящего корабля, частью культуры, участь которой - прошлое.

Увлечение французскими писателями-моралистами оставило глубокий след в творчестве Сэридзава. Моралистическая направленность превратилась в его собственную специфическую черту и сохранилась вплоть до последних произведений. Эта изначальная ориентированность на европейскую художественную традицию позволила автору занять пустующее место писателя-моралиста в истории японской литературы.

Примечания

¹ Оэ Кэндзабуро. Опоздавшая молодежь. М., 1973. С. 104.

² Оэ Кэндзабуро. Объяли меня воды до души моей. Рассказы. М., 1978. С. 19.

³ Макото Оока. Сэридзава Кодзиро бунгаку но токусицу (Особенности литературы Сэридзава Кодзиро). Нумацу, 1996. С. 28.

⁴ Нобумаса Окуси . Сэридзава Кодзиро но сэкай (Мир Сэридзава Кодзиро). Токио, 1997. С. 156; Синтё Нихон бунгаку арубаму. Сэридзава Кодзиро (Альбом японской литературы издательства синтё. Сэридзава Кодзиро). Токио, 1995. С. 84.